

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ИЗУЧЕНИЯ СОЖСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЭПОХИ МЕЗОЛИТА МОГИЛЁВСКОГО ПОДНЕПРОВЬЯ

Сожская мезолитическая культура была выделена В.Ф. Копытиным в 1970-е года в результате многолетнего изучения стоянок Посожья (Горки, Журавель, Клины II, Присно), верхнего течения Днепра (Береговая Слобода, Новый Быхов II, Рдица) бассейнов рр. Березина (Городок, Василевичи, Михайловка) и Беседи (Аврамов Бугор, Бабулин Бугор, Столбун) [5, 48-58, 64, 79-86].

По мнению данного исследователя, она представляла собой культурное явление позднего мезолита (VI – V тыс. до н.э.), сформированное на базе двух традиций – гренской (техника расщепления кремня и отдельные типы орудий, основной заготовкой для которых был отщеп) и свидерской (наконечники стрел) [5, 48]. Исторические судьбы населения связывались с формированием верхнеднепровской неолитической культуры [5, 48, 59]. Взгляды В.Ф. Копытина на генезис и хронологию сожской культуры разделяла Е.Г. Калечиц [2, 3].

На основе полученных материалов В.П. Ксензовым в конце 1980-х гг. была выделена днепро-деснинская культура, которая в своем развитии прошла два этапа: раннемезолитический (Смячка XIVА, Б, Г, Бор, Раска, Баркалабово, Шихов, Латки, Чижаха и др.) и позднемезолитический (Береговая Слобода, Рдица, Новый Быхов II, Горки, Загорини I, Дорошевичи, Лясковичи, Рожава I и т.д.) [7; 8, 76-77; 9, 14]. Различие между памятниками, по мнению исследователя, проявляется в распространении на позднем этапе, кроме постсвидерских форм наконечников, простых черешковых наконечников и наконечников с боковой выемкой, а также вкладышевых орудий, ланцетовидных наконечников, наиболее распространенных в бассейне р. Березина, пластин с затупленным краем и трапеций [8, 71, 74, 77; 9, 14].

Генетические корни днепро-деснинской культуры В.П. Ксензов считает возможным искать в памятниках свидерской (иволистные и черешковые наконечники с плоской вентральной обработкой насада, концевые скребки удлиненных пропорций, срединные и ретушные резцы на пластинах, рубящие орудия с перехватом, техника расщепления, основанная на снятии пластин с двухплощадочных нуклеусов) и лингбийской (черешковые наконечники, наконечники с боковой выемкой) традиций [8, 82-83; 9, 15].

Анализируя литературные источники, следует отметить, что первое разногласие между исследователями проявляется уже в самом названии культуры (сожская и днепро-деснинская), что вызывает некоторое недоразумение – это два культурных явления или одно? Название «сожская культура» появилось на страницах публикаций не случайно, поскольку именно в Посожье были получены достаточ-

но выразительные коллекции, позволившие выделить и дать характеристику этому культурному явлению. Понятие днепро-деснинская культура в территориальном отношении шире и охватывает не только бассейны Березины, Верхнего Днепра, Сожа, но и Средней Десны и Нижней Припяти. В.Ф. Копытин считал ошибочным включение деснинских материалов в состав днепро-деснинской культуры, т.к. они дают яркий пример распространения геометрических микролитов, не характерных для Верхнего Поднепровья [4, 50-51]. Однако деснинский бассейн в культурном отношении многообразен (11, 28 – 35) и, по мнению В.П. Ксензова, несправедливо не замечать близость кремневых инвентарей верхнеднепровских поселений и стоянок типа Смячка XIV, которые включены им в круг памятников раннего этапа днепро-деснинской культуры [8, 66].

Между тем, Е.Г. Калечиц подвергает сомнению возможность объединения в рамках днепро-деснинской культуры различных «в геоморфологическом отношении и по насыщенности кремнем областей» [3; 71]. А.Н. Сорокин признает днепро-деснинскую культуру историографически несостоятельной и считает, что кремневые комплексы этой культуры смешаны [12; 124-125]. По мнению Л.Л. Зализняка сожская или днепро-деснинская культура появилась в результате взаимодействия двух культур и не является уникальным явлением [1, 230]. Смешанные памятники являются либо свидерскими, либо гренскими, в зависимости от того какие из признаков этих культур доминируют [1, 230]. В этой связи, Л.Л. Зализняк считает стоянку Горки свидерской и датирует ее кремневый инвентарь началом пребореального времени [1, 229].

По нашему мнению, концепция формирования днепро-деснинской культуры по В.П. Ксензову ничего нового не предлагает и во многом противоречива. В противовес схеме генезиса свидер+гренск по В.Ф. Копытину, им предлагается новая – свидер (на раннем этапе)+лингби (на позднем), не меняющая сути проблемы. Гренская культура у этого же автора возникла на лингбийской основе, что отчетливо проявляется в наличии «массивных широколиственных наконечников с толстым черешком, обработанным только по краям» и черешковых ассиметричных наконечников [9, 11].

Нерешенность вопросов сожской и/или днепро-деснинской культуры подчеркивается отсутствием дат, полученных с помощью естественнонаучных методов, четко стратифицированных памятников, слои которых не сохраняют органику. Поэтому единственный выход из этого положения исследователи видели в анализе кремневого инвентаря, основанным на сравнительной типологии. В качестве датирующих признаков отмечались: топография стоянок, скребково-резцовый показатель, распространение различных форм наконечников, присутствие в коллекциях незначительного количества трапедий. Обратим внимание, что соотношение скребков и резцов отнюдь не свидетельствует о возрасте памятника, а может говорить о специфике

хозяйственной деятельности или специализации по изготовлению определенных типов орудий труда [3, 72]. Наличие наконечников типа Хинтерзее (Коромка, Горки, Журавель) и трапеций также не может являться надежным индикатором для датировки памятников позднемезолитическим возрастом. Первые происходят из нестратифицированных стоянок и по верному замечанию А.Н. Сорокина определяются типологически [12, 62]. В отношении трапеций можно заметить, что время их появления относится к заключительным этапам палеолита [10, 107; 12, 44]. В материалах иеневской культуры они получают распространение в пребореальное время [6; 12, 128]. По данным Л.Л. Зализняка находки трапеций на свидерских стоянках Полесья могут свидетельствовать либо о поздних примесях, либо о раннем их появлении, поскольку в Раске и Смячке XIV они обнаружены в четких стратиграфических условиях [10, 92-93, 107].

Для ранней группы памятников, которую В.П. Ксензов датирует пребореалом-бореалом (10300 – 8000 лет назад) характерно «типологическое однообразие», которое проявляется в распространении черешковых постсвидерских наконечников [9, 12, 14]. Однако, по мнению этого исследователя «на рубеже плейстоцена-голоцена оно (население Лингби – А.К.) вступило в контакт со свидерским населением, проживавшем в основном на территории Полесья...» [9, 15], а затем мигрировало на восток в деснинский и верхнеднепровский бассейны [9, 15]. Если на рубеже плейстоцена-голоцена появляются памятники «смешанной традиции», то правомерно ли утверждение о «типологическом однообразии» кремневых инвентарей раннего этапа? Не совсем понятен и тезис о «сильном влиянии населения лингби на свидерцев», которое проявляется только лишь в наличии «черешковых наконечников и наконечников с боковой выемкой» (весь остальной типологический набор связан со свидерской культурой) [9, 15].

Ничего не дает для решения этого вопроса и понятие о распространении техники расщепления, отдельных форм орудий труда и использовании в качестве заготовки отщепы, как доказательства формирования сожской культуры на базе гренской. Не акцентируя внимание на всю проблематику гренской культуры, отметим, что на данный момент неизвестно, какая ее группа памятников стала генетическим компонентом для сожской культуры. Ведь гренские древности, судя по публикациям, типологически неоднородны, что признавал и сам В.Ф. Копытин. Например, материалы стоянки Боровки ученый связывал с мезинскими традициями, а комплекс Коромки – с Межиричями и Добраничевской [5, 14-25]. На это положение обратил внимание А.Н. Сорокин, который предположил, что на территории Верхнего Поднепровья имеются чистые аренсбургские памятники типа Боровка и синкретические типа Коромка, сочетающие в себе аренсбургские и свидерские черты, при условии источниковедческой надежности последних [6, 16]. Кроме этого, одностороннее параллельное снятие заготовок с одно-, двухплощадочных нуклеусов при неоформленном

контрфронте было характерно не только для гренской техники расщепления, но встречается и на стоянках свидерской традиции Баркалабово на Верхнем Днепре и в устье р. Смячь на Средней Десне. Очевидно, характер сырья и специфика памятников, территориально приуроченных к выходам меловых пород, содержащих в обилии кремневое сырье, оказывали влияние на типологический состав и облик кремневых инвентарей.

Еще одно противоречие наглядно выступает, когда В.Ф. Копытин связывает формирование сожской культуры с поселениями типа Баркалабово, которые он характеризует как свидерские и сравнивает «с памятниками позднего этапа бутовской и неманской мезолитических культур, что обусловлено общей свидерской основой их формирования» [5, 49, 54]. Между памятниками свидерской и сожской культур существует хронологический разрыв в 2 тыс. лет, на что обратила внимание и Е.Г. Калечиц: либо стоянки сожской культуры существовали на раннемезолитическом этапе, либо свидерская культура продолжала развиваться в мезолитическое время [3, 66]. Проведение аналогий с бутовской культурой является также нелогичным, поскольку для ее стоянок были получены абсолютные даты, определяющие существование этой культуры в конце пребореала – бореальный период [6, 44–52, 57].

Возникает и другой вопрос: насколько введенные в научный оборот коллекции отвечают критериям «чистоты» и «достаточности»? Анализ публикаций и некоторых коллекций, полученных в ходе изучения мезолитических стоянок Верхнего Поднепровья, показывает, что критике источников не уделялось должного внимания. Только в последние годы появилось несколько работ, затрагивающих проблему археологического источника для территории Верхнего Поднепровья. Так, смешанными считаются такие стоянки как Аврамов Бугор, Бабулин Бугор, Гренская, Красновка I Б, Рекорд, Речица II, возможно, Горки, Коромка и Печенеж [3, 161; 5, 47; 20, 16; 8, 70; 12, 127, 141]. Культурная принадлежность некоторых поселений (Дальнее Лядо, Журавель, Криничная, Печенеж) интерпретируется по-разному [5, 12, 48; 7, 48–51, 123–124; 12, 125]. Не исключено, что для решения региональных проблем мезолита могли привлекаться статистически непредставительные коллекции, требующие источниковедческой проверки.

Таким образом, история изучения памятников эпохи мезолита в последние годы свидетельствует о несомненных успехах в деле интерпретации полученных материалов, однако они далеко не достаточны. Ранее выработанные схемы требуют пересмотра и уточнения. Особое внимание необходимо уделить проблеме генезиса и хронологии, путям культурной адаптации и формирования этнокультурных связей в эпоху мезолита Верхнего Поднепровья. Решение поставленных проблем возможно только на основе сравнительного типолого-технологического анализа статистически и источниковедчески надежных кол-

лекций, с привлечением методов математического моделирования и статистической обработки материалов с помощью ЭВМ.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Залізник Л.Л. Фінальний палеоліт північного заходу Східної Європи. – Київ, 1999.
2. Калечиц Е.Г. Памятники каменного и бронзового веков Восточной Белоруссии. – Мн., 1987.
3. Калечиц Е.Г. Человек и среда обитания. Восточная Беларусь. Каменный век. – Мн., 2003.
4. Копытин В.Ф. Поздний мезолит Посожья // Изыскания по мезолиту и неолиту СССР. – Л., 1983.
5. Копытин В.Ф. Памятники финального палеолита и мезолита Верхнего Поднепровья. – Могилев, 1992.
6. Кравцов А.Е., Сорокин А.Н. Актуальные вопросы Волго–Окского мезолита. – М., 1991.
7. Ксензов В.П. Палеолит и мезолит Белорусского Поднепровья. – Мн., 1988.
8. Ксензов В.П. Мезолитическая днепро-деснинская культура // Гістарычна-археалагічны зборнік. – 1994. – № 5.
9. Ксензов В.П. Финальный палеолит и мезолит Поднепровья Беларуси // Российская археология. – 1997. – № 1.
10. Неприна В.И., Залізник Л.Л., Кротова А.А. Памятники каменного века Левобережной Украины. – Киев, 1986.
11. Сорокин А.Н. Мезолит бассейнов Десны и Оки (по материалам работ Деснянской экспедиции) // КСИА. Вып. 188. – М., 1986.
12. Сорокин А.Н. Мезолит Жиздринского Полесья. Проблема источниковедения мезолита Восточной Европы. – М., 2002.